

Гармония образов западной стены и верхнего композиционного яруса живописи

Живопись западной стены исихастерия превыше композиционной и художественной гармонии... - выскажемся так. Гармония смыслов довлеет над внешней эстетикой и пре-восходит её. Превыше гармонии художественной – сочетаются меж собою светоносный столп образа Макария, светоносное световое окно и распахнутая мандорла и с изображением святого мученика Акакия. Не гармонична, дисгармонична эта художественная компоновка верхнего регистра живописи на западной стене. Попробуем разобраться в этих ощущениях и утешить стенания поруганного эстетического вождения.

Верхний регистр живописи западной стены... - с первого взгляда, казалось бы, несколько ассиметрична, не логична, диспропорциональна художественная компоновка этой иконной области, напрягающая некоей дисгармонией, противопоставлением не сообразно собранных и приближенных, нарочито со-единённых символических элементов: образа святого Макария – продолжения чинопоследования столпничества – столпом светоносного тела святого, рядом с Макарием – световое окно, несколько ассиметрично – увенчанное мандордой мученика Акакия. Светоносный столп Макария - и световое окно, увенчанне мученичеством... находятся в едином живописном регистре с образом столпничества по южной стене исихастерия. Чинопоследование столпничества – разрешается высшим проявлением личной святости – светоносной, о-Боженной плоти святогот Макария, предстоящего Троице. Плоть Макария уже утрачивает свои физические очертания и становится собственно светом. Рядом про-явлен осязаемый – озаряющий, высветляющий пространство исихастерия - символ света нетварного, Божественного присутствия – в символическом о-значивании светового окна. Над окном – мандорла – раскрывшаяся завеса видимого мира и открывшийся из образовавшегося проёма в мир невидимый – образ мученика, живого свидетеля Бога – святого Акакия.

Святой мученик Акакий

Вот так – раскрыта мандорла, этот «рог изобилия», раскрывшийся и преисполнивший нас ведением о мученичестве, несущем пред собою крест Христов. Здесь, можно сказать, вполне равно-честные образы, равного достоинства в предстоянии Троице: светонесущая святость Макария... символ Нетварного света - изобразительное окно...

личный свидетель невидимого Бога – мученик. Логично сочетаются, совершенно не противоречат друг-другу эти символы, не смотря на некоторую видимую ассиметрию, дисгармонию, эстетическую разнородность и не-со-образность изображений верхнего яруса западной стены... Макарий, являющий святость в своей личной про-свящённости в жизненном, живущем и о-Боженном теле... собственно – Божие присутствие в символе светового окна... увенчание светового столпа в раскрытой мандорле мученика – свидетеля о Боге в мире видимом из мира невидимого. Созерцатель Бога в истончённой, высветленной плоти Макарий – и свидетель Бога до смерти земной, до мученического иссякания жизни – над световым столпом Акакий, – вот такая символическая продолженность столпничества образом мученичества над световым столпом окна, на изобразительной поверхности сложной композиции, обращённой к Троице. Эта живописная поверхность пребывает за нашими спинами, как бы замыкая некий динамически о-значенный круг предстояния. И в видимом нами слева от нас пространстве на северной стене – также святые в мандорла, предельно приближенные к образу Троицы, - приближенные равно-честно с образами столпничества напротив них по южной стене. Такова гармония верхнего живописного яруса, распространённая по стенам исихастерия. Такова гармония смысла, пре-вышающего, пре-одолевающая видимый эстетический диссонанс и несо-образность частей изображения, кажущуюся несочетаемость образов святого Макария, образа светового окна и раскрытой мандорлы, символически соединяющей миры видимый и невидимый... - сочетаются, смыкаются эти пространства символом креста в руке мученика – свидетеля Бог до смерти земной.

Рассуждая о живописи исихастерия можно вполне повторить нашу мысль, высказанную при рассмотрении образов светового барабана в основной части храма: мысль о необязательности и даже физической невозможности рассматривания изображений. Вновь выскажемся здесь о том, что живопись пространственного образа не для непосредственного восприятия её как таковой, по частям ли, в целокупности... но монументальное иконное пространство устроено к тому, чтобы вылепить образ во-ображающий, окружающий, вмещающий в себя человека и его молитву пред Господом... молитву вне-образную, устремлённую ко Христу, взываемому в сердце молящегося. Если в основном пространстве храма мы подтверждали эту мысль некоей физической удалённостью человека молящегося, созерцателя – физическим от – странением от живописи на расстояние, не допускающее рассмотрения. Мы говорили о том, что изображено столь многое, изображение столь изобилует нюансами не распознаваемыми на расстоянии, что не вместить глазу на расстоянии... Здесь, в исихастерии, мы вправе говорить о том же, но на расстоянии, максимально приближенном к живописи. Здесь мы находимся буквально – внутри образа... и не должно нам внутри образа воспринимать его в целом, рас-познавать его нюансы... Мы оторопеваем, останавливаемся перед образом Бога Троицы, так же как замираем под образом Пантократора в куполе. Пред образом восточной стены – столь откровенным и энергичным, вы-разительным и пронзительным, - смеем ли отвлечься в рассмотрении окружающих нюансов, разглядывать изображения столпников, Знамени, святого Макария... Взгляд отталкивается от образа святого Макария при невозможности сосредоточиться на нём. Физически - невозможно не удалившись не высвободившись из молитвы - «молитвенно» блуждать любопытствующим взглядом по стенам, по сторонам, пребывая перед объемлющим образом Троицы. Поднять ли вновь глаза к этому символу, лишь вкратце ощутив его... Говорим, конечно же, о сугубо личном

восприятию, о личном опыте преодоления робости при вовлечённости в это рассматривание... о личном пресекании молитвы в дерзновенном отвлечении в рассудительность перед символом... Невозможно – возвести дерзновенный взгляд к Троице, к распахнутым над нами ангельским крыльям... но достойно и желанно, пребывающему пред образом, внутри его - лишь – со-средо-точить себя в сердечных глубинах, во внутреннем своём естестве, о-кружённом, объ-ятом символом, во-ображённом. Вот – полнота обратной перспективы, когда центром и средо-точием изобразительного пространства является человеческое сердце, молящееся и устремлённое во глубину свою, внутрь, где, по слову евангельскому, царство Божие – есть, - туда, к пространству встречи, к месту стяжания и со-прикосновения с Богом – устремление человеческого усилия и там – полнота восприятия Первообраза, неслиянного со-четания с Ним. Образ – обрамление пространства этого сердечного со-прикосновения и со-четания с Богом, молитвенного и взаимного... Образ духоводящий – лишь символическое окружение, смягчающее злобу сердечную, непрязненную... настраивает, об-устраивает место встречи, не подменяя самой встречи с Первообразом. Возможно ли тогда вне осознаваемой полноты - разбирать изображённое, окружившее нас настолько близко и велико-лепно. Не устоять в молитве рассматривающему... Возможно ли рассматривать икону святого Макария, обернувшись спиной к образу Троицы... Возможно ли молитвенно рассматривать столпников, повернувшись к Троице боком... Возможно ли рассматривать образ Божией Матери Знамение – Благовещение, ощущать эти энергичные знаки славы и сил Господних, отворачившись, отстранившись от Троицы... Деятельно – движемся сквозь образ Знамения, сквозь символику сил, вникая в исихастерий, исходя изнутри молитвенного соприкосновения с Богом – во внешнее пространство, на хоры, - но не для рассматривания этих образов, находящихся в такой предельной близости, в таком удобном расположении для рассмотрения их. Ведь не к образам, но единственно и только к Самому Христу – вникали мы сюда, во-ображая наше бытие.

Не для от-странённого смотрения образы, но исключительно для деятельного молитвенного со-средо-точного пребывания с Богом в прикосновении к Божественному Первообразу, - для во-ображения нашего – образом Господним, для молитвенного делания внутри образного пространства и воз-делывания глубин личного естества. Вне молитвенного делания этот обра, это обрамление, этот изобразительный строй и рассматривание его – вырождается в нечто по-верхностно без-содержательное, обманное, иллюзорное из-вращение... так человек, о-злевший, о-зверевающий без Христа, и тем тягостнее, тем тяжелее его состояние, чем более сохраняет от-ступничество видимость Христианства, - шкуру агнцу поверх волчьей. Выразительный строй – вырождается тогда в нечто совершенно от-вратительное во лжи-ложности своей, - от-вращающее от Христа. Не – приятное, не при-язненное, без-содержательное, собственно, без-образное в образе – ввергнет в уныние неисходное... в от-влечение от Бога невозвратное. И свидетельствуют о том некоторые ис-следователи образов Феофана, видящие в этих образах чуждую экспрессию и от-чаяние... Лишь со-участвуя лично с действием Первообраза в образном пространстве молитвы, со-действуя Богу в приближении к Первообразу – можно воспринять передаваемое нам, рас-смотреть пред-лагаемое, внять дарованному... осознать назначение и смыслы этого образного пространства. Словно бы шелуха эта живопись без молитвенного прилежания и со-прикосновения. Иссыхает, блекнет, обезсиливает и о-без-смысливается, о-пошливается в от-странённых, от-чуждённых от Бога суждениях.

Унижается несказанная высота образа всяческим суждением о нём, как о само-стоятельном явлении, само-достаточном в художественном, вне-молитвенном достоинстве своём. Несравненный Феофан не может быть неосудительно вос-принят вне молитвенного со-участия и устремления, вне деятельного пре-бывания внутри из-ображённого... из-ведённого им образа.

И ещё о некоторых отличиях общего храмового пространства и области исихастерия. Если, пребывая под ликом Пантократора мы не можем сосредоточить взгляда на живописи светового барабана, но можем, пребывая внутри общего делания – литургии, – ощущать вокруг себя и видеть, не поднимая главы ввысь – образы святых, - со-пребывать и со-участвовать в литургии вместе с этими образами и вместе с этими святыми, как бы растекаясь мысленно по образной горизонтали по стенам вокруг нас... Как видится, в пространстве исихастерия – всё образное пространство, от блестящего светом пола на котором стоим, световых символически неотразимых лучей из окон, самих образов... - пробуждая, устремляют всё человеческое естество внутрь человека, в сердечную глубину, обращая непосредственно к предстоянию Троице вместе с Авраамом и Саррой. Мы – гостеприимцы внутри образа, мы со-участники Завета и авраамова делания, мы – наследные во Христе дети Авраамовы, вос-торженно окамененные здесь, и Троица – образно – к нам. Мы – сыновья Христовы, дети Господние, пребывающие внутри образа, - и постигаем образ не глазами вглядываясь в него, не разумом над-меваясь над ним... раз-мышляя над ним... но пребывая, исчезая внутри, обретаем полноту приближенности - со-образуем – себя с ним и молимся во глубине этого образа, совсем уже не рас-сматривая его из личного от-странения.